

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМЕНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД

**МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ**

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ

**МАША ТРАУБ. НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА**

ВЕРА КОЛОЧКОВА. ЗИМА ДЖУЛЬЕТТЫ

ВЕРА КОЛОЧКОВА. МУЖ В ОБМЕН НА СЧАСТЬЕ

ВЕРА КОЛОЧКОВА. ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. ТОТ, КТО НАЗНАЧЕН СУДЬБОЙ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. ЛЮБОВЬ СО ВКУСОМ ВИШНИ

ТАТЬЯНА АЛЮШИНА. РУКИ МОЕЙ НЕ ОТПУСКАЙ

МАША ТРАУБ

НОВЫЕ
СЕМЕЙНЫЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление *Валерии Кольшевой*

В оформлении обложки использованы фотографии:

© Switlana Sonyashna Iryna Imago / Shutterstock.com /
FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Трауб, Маша.

Т65 Новые семейные обстоятельства / Маша Трауб. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210616-3

Ходила гулять с палками для скандинавской ходьбы. В парке встретила группу с такими же палками. «Не хотите вступить в наш клуб “Здоровое долголетие”»? — подбежал ко мне инструктор.

Да, жизнь продолжается. В этот клуб я обязательно вступлю, но чуть позже. Пока я поменяла прическу, как и малышка Ева — дочь моей подруги. Мы обе отстригли себе челки. Еве — четыре года, мне — почти сорок семь. И я знаю, что буду делать дальше — заниматься с детьми русским языком, кормить их котлетами, смеяться, переживать за их успехи. Когда в жизни есть дети, остается желание сделать новую челку. Эта книга — об обычных желаниях каждой матери, ее тревогах, волнениях. И счастье — уснуть с малышкой, найти потерянную игрушку, сделать так, чтобы ребенок смеялся. Из кратких заметок об обычной жизни — укулов счастья и всполохов беспокойства — и состоит эта книга.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Трауб М., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210616-3

Однажды мой муж произнес замечательную фразу: «Режиссер всю жизнь снимает один и тот же фильм. А писатель пишет одну книгу, длиною тоже в жизнь».

Эта книга — скорее дневник, очень личный и искренний. В ней ничего не придумано, все честно. Герои названы своими именами — это мои подруги и их дети, знакомые, приятельницы. Через эти крошечные заметки, наблюдения, смешные диалоги я и хотела показать нашу с вами жизнь. Да, бывает страшно, часто падаешь от усталости и груза ответственности, живешь будто на автомате, попадая в день сурка. Но жизнь — очень интересное приключение. Особенно когда в ней есть дети.

* * *

Много лет назад. Я, молодой, начинающий автор, приехала на встречу с читателями. В большом зале были заняты два стула в разных углах. Две милые с виду женщины. Они что-то читали и, когда я начала говорить, посмотрели на меня с укоризной — я им явно мешала. Они хотели читать в тишине. Встреча закончилась, так и не начавшись.

Издательство выбрало для меня прекрасный отель, в самом центре. Утром я не могла избавиться от запаха плесени. Перенюхала все — постельное белье, мини-бар, но оказалось, что плесенью или тиной пахну я. Причем вся — с ног до головы, благоухаю так, будто только вылезла из болота. И никакие духи этот запах не перебивают. Я подошла к девушке на ресепшен и спросила, мол, может, что-то с водой?

— Конечно! — радостно подтвердила та. — У нас вода прямо из Невы!

— А почему я пахну канализацией? — уточнила я.

— Душ принимали? Тогда как еще вы должны пахнуть? — удивилась девушка. — Или вам что-то не нравится? — Она уничтожила меня взглядом.

Тут я поняла, что да, ничего не понимаю.

Следующий приезд в Питер. Запланировано интервью. Братъ его приходит женщина в перчатках-митенках и шляпке с вуалью. Ну да, день, центр города, кафе, как же без вуалетки? Отчаянно надеюсь, что дама не по мою душу, но нет, идет к моему столику. Я специально смотрю на часы — она опоздала на двадцать пять минут. Дама игнорирует намек и сразу же объявляет, что она меня не читала и читать не собирается. Спрашивает, почему я не люблю животных. Отвечаю, что люблю и даже очень. Говорит, что я не могу писать о романах, раз замужем. Отвечаю, что могу, для этого не обязательно иметь связи на стороне. Шляпка презрительно вздрагивает. Спрашиваю: с чего вы сделали такие выводы, раз не читали?

— Мне достаточно на вас взглянуть, — хмыкает дама, будто я на ее глазах поковыряла в носу и вытерла козявку о занавеску. Видимо, отсутствие митенок и шляпки приравнивается к козявкам.

— Простите, мне просто любопытно. Вы опоздали на двадцать пять минут и даже не извинились. Это нормально? — спросила уже я.

— Вы не понимаете и никогда не поймете, потому что вы не писатель. — Вуалетка презрительно вздрогнула.

— Ну а все же? — настаивала я.

— У нас здесь впереди вечность. Она в воздухе, — с вызовом ответила вуалетка и ушла не попрощавшись.

Интервью, кажется, так и не вышло в печать. А я теперь говорю про тех людей, кто опаздывает, «у них впереди вечность».

Уже в Москве. Прихожу на встречу в темных очках. Миллион раз извиняюсь, объясняю, что у меня воспаление слезных каналов. До этого несколько раз ездила на промывание. То еще удовольствие — будто тебе в мозг заливают воду. А там, в смысле в мозге, и так с утра гулкая пустота. Теперь в этой пустоте еще и плещется что-то, но явно не мозги.

Я считала, что боль в ухе — тяжело. Но нет: когда болят глаза и их хочется вынуть, прополоскать и вставить снова — вот это тяжело. На той встрече я что-то рассказывала, утирая льющисся слезы и сдерживая желание расчесать глаза.

Уже после, на выходе, слышу разговор женщин, собравшихся кружком.

— Жалко ее, — говорит одна.

— Да ладно, бухает она! — отвечает вторая.

— Может, правда глаза? — предполагает третья.

— Да, глаза и бухает, — ставит диагноз вторая.

Та же история повторилась, когда у меня начались проблемы со связками. Несколько раз выступала с большим горлом, на таблетках. Как назло — встречи одна за другой, некоторые без микрофона, приходилось чуть ли не кричать. После чего я онемела в буквальном смысле слова. Потом начала сипеть. Пошла к врачу. Несмыкание связок. Таблетки, процедуры, занятия со специалистами-фоноiatрами. Или — низкий голос с хрипотцой. Даже не или — все равно хрип останется. Совет — не шептать, будет хуже. Говорить как можно громче. В молодости у меня был высокий голос. На выступлениях по радио всегда просили говорить на тон

или два ниже. Высокие голоса плохо звучат в эфирах. И вот наконец я обрела голос, о котором всегда мечтала. Тот, который называется «радийный» — низкий, вкрадчивый.

— Ты болеешь? — спрашивали знакомые первое время. Потом привыкли.

— Вы простужены? — спрашивали на встречах ведущие, организаторы и прочие лица.

Мне было больно не то что говорить — даже дышать. Я не управляла собственным голосом, который мог пропасть в любой момент. До выступлений, как советовали врачи, старалась молчать. После — если бы и хотела, не могла говорить. Голос пропадал начисто. Даже издать звук была не способна. Но к этому быстро привыкаешь. На очередной встрече я заранее извинилась, если вдруг начну хрипеть, сопеть, неметь и издавать невнятные всхлипы. После услышала разговор.

— Да курит она, как сантехник, — авторитетно заявляла одна из женщин, пришедших на встречу.

Почему как сантехник, я очень хотела уточнить. Обычно говорят, «курит, как паровоз» или «как сапожник». Или пьет, как сапожник? Да, точное выражение — «пьет, как сапожник, ругается, как извозчик, а курит, как старый солдат». О чем я и сообщила женщине. Та посмотрела на меня так, будто я не просто вытерла козявку о занавеску, а съела ее.

* * *

На встречах с читателями часто спрашивают, с кем из других писателей я дружу, знакома. Всегда рассказываю эту историю.

Прилетела в далекий северный город. Половина третьего ночи или уже утра — не знаю. В это время суток я даже не помню, как меня зовут. В принципе, откликаюсь на все имена и фамилии. По идее, меня должны встречать. Рассматриваю встречающих, которых не много. А с листочком, на котором написаны две буквы — ГБ, всего один. Через полчаса в вестибюле аэропорта я и мужчина с листочком остаемся одни.

— Извините, если ваш пассажир не приехал, может, вы меня довезете? — спрашиваю я, благо знаю, в какой гостинице мне забронировали номер.

— Ну давайте. Что уж. Ждал вот одного из Москвы, так не прилетел. Хоть бы предупредил. Зря я, что ли, машину прогревал? — соглашается мужчина.

— А что означает ГБ? — уточняю я в рамках светской беседы.

— Как что? Государственная библиотека. А что еще может означать?

— Ну, например, для меня это — городская больница или гипертоническая болезнь. Еще головная боль. — В голове еще крутились «гигабайты».

Я поблагодарила, решив не признаваться, что мужчина встречал именно меня, но я не догадалась.

В гостинице сонная девушка на ресепшене долго разглядывает мой паспорт, потом так же долго гипнотизирует монитор компьютера.

— На вас брони нет, — наконец говорит она.

— Как нет? Хорошо, давайте вы меня поселите без брони, а утром разберемся, — прошу я, потому что мне уже все равно. Лишь бы лечь.

— Не могу. У нас в городе проходит конференция, поэтому все номера заняты. Остался один, для Трауба.

— Это я! — восклицаю я.

— Нет, вы не Трауб. — Девушка опять сверяется с моим паспортом, где записана девичья фамилия.

— Да, верно, Трауб — литературный псевдоним. Пожалуйста, поселите меня!

— Не имею права. А если придет Трауб?

— Я вам клянусь, он не придет! Я вместо него! — чуть ли не кричу я.

— А чем вы можете доказать, что Трауб — это вы? У вас есть документ? Я думала, что Трауб — это мужчина. Я ждала мужчину. Михаила.

Организаторы действительно оставили бронь на некоего М. Трауба. И девушка представила себе Михаила. Кажется, в мыслях она уже вышла за него замуж и знала, как будут звать их будущих детей, а тут появилась я.

— Девушка, милая, ну какие могут быть документы на псевдоним? Понимаете, многие писатели, актеры, артисты работают под псевдонимами, а в паспортах у них совсем другие фамилии. Ну вот Игорь Северянин, Ильф и Петров, Демьян Бедный — это же все псевдонимы.

Девушка молчала, переваривая информацию.

— Хотите, я вам книжку покажу? Там есть моя фотография, — предлагаю наконец я.

Роюсь в чемодане и достаю книжку.

— Вообще не похожа, — сообщает мне девушка.

Тут я уже начинаю тихо подвывать. Потому что в жизни в три часа ночи я и вправду на себя не похожа, вообще никакая.

Но, на мое счастье, девушка начинает сдаваться.

— Вы точно знаете, что Михаил не придет? — спрашивает она меня.

— Мамой клянусь. Вот буквально сегодня его видела. Понимаете, мы, писатели, чуть ли не каждый день ходим друг к другу в гости. Михаил приходил на завтрак и сказал, что не придет. Меня вместо себя прислал.

— Хорошо, я вас заселю, но предупреждаю: если Михаил придет, я вас выселю!

— Не волнуйтесь, я сама выселюсь.

Утром, выйдя из душа, обнаруживаю, что фена нет. С мокрой головой спускаюсь к девушке, чтобы попросить фен. И еще вызвать слесаря, потому что батареи в северном городе — холодные. Спала в свитере. Да и сантехника нуждается в ремонте — душ плюется водой во все стороны, не попадая на того, кто стоит под ним.

— Паспорт давайте, — требует девушка.

— Зачем?

— Фен в обмен на паспорт, под залог. Такие правила.

— Девушка, у вас же есть копия моего паспорта, вы ночью сделали. И я никуда из гостиницы не денусь. У меня голова мокрая!

— Не положено. Тогда оставляйте тысячу рублей.

— Девушка, милая, давайте я высушу голову и принесу вам паспорт.

— Нет, сначала документ или деньги, а потом фен. И вообще у меня конец дня. А если отдам вам фен, то как смену передам? У меня же недочет будет! Я и так вам чужой номер отдала!

— Спасибо, — сдаюсь я, — давайте я тут прямо у вас высушусь. Под приглядом. И вы будете спокойны.

Девушка выдала мне фен — такой был еще у моей мамы. Один режим.

Если повернуть другим концом, в решетке вентилятора можно оставить полголовы — затянет так, что не вытянешь.

— А вы настаиваете на слесаре? — уточнила она.

— Ну не то чтобы настаиваю, но очень хочется, чтобы было тепло. Может, нужно воздух в батареях продуть?

— Снега еще нет, зачем вам батареи? Никто не жалуется, а вы с утра пораньше начинаете. Никому фен не нужен, только вам. И знаете, что я вам скажу? Если бы приехал Трауб, таких бы проблем точно не было! Жаль, что он не смог и вас послал!

* * *

У каждой матери бывает состояние, хотя в этом тяжело признаться даже самой себе, когда от усталости и недосыпа способна думать на уровне инфузории-туфельки. То есть вообще никак. И хочется лишь одного — чтобы тебе сказали, что делать и куда идти. Как кто-то написал в соцсетях, хочется шоколадку, на ручки и кого-нибудь убить. Причем все одновременно. А заодно чтобы кто-нибудь принял за тебя все решения.

С каждым годом взросления детей становится страшнее. За все, каждую секунду. С годами накапливается много страхов.

Дочь Сима ушла в кино с подружкой.

— Мам, ну восемь звонков за пять минут — это уж слишком. Я хотела фильм досмотреть, а потом в туалет ходила, — ласково упрекает она меня.

Для меня не слишком. Она взрослеет. Когда дети младенцы или ходят в детский сад — мамы бесстрашные. Поехать на другой конец города за чем-то нужным или кажущимся таковым, покормить ребенка в машине, подождать, когда он поспит в автомобильном кресле, регулируя или кондиционер, или обогрев салона — в зависимости от сезона. Заехать в магазин, еще в один. У меня теперь уже взрослый сын и дочь-подросток. А мне приходится себя заставлять доехать до ближайшего торгового центра. Потому что там срабатывает память — молодые ее лишены. И вот такая память.

В торговом центре подземная многоуровневая парковка системы серпантин. Я тут же вспоминаю, как в отпуске в южной стране на арендованной машине ехала в какой-то зоопарк. На заднем сиденье двухлетняя дочь и сын-подросток. Перед нами глохнет туристический автобус и начинает медленно скатываться вниз. Справа обрыв, слева — скала. А я — за рулем. И тоже скатываюсь вниз, чтобы автобус не впаялся в мою хлипкую легковушку. После этой истории не переносу езду по серпантинам даже на подземных парковках.

— Можешь подхватить Зою? — просит приятельница.

— Не могу, прости. Не успею, — отвечаю я.

Приятельница, не близкая, обижается. Но мы не в той степени знакомства, чтобы я начала объяснять. На перекрестке от дома приятельницы до моего я попала в аварию. Беременная Симой, и так с постоянной угрозой выкидыша.

В меня въехал мальчик, только восемнадцать лет исполнилось. Родители подарили ему машину на совершеннолетие. Но права не покупал, честно получил, сдал с пятой попытки. Он сам плакал. Инспектор кидался ко мне — я держалась за живот — и к мальчику — тот плакал и звонил родителям. Не знал, что делать. Мы мирно разошлись, но я с тех пор стараюсь объезжать злополучный перекресток. Все время вспоминаю тот момент — удар, пояс безопасности, сильно перетянувший низ живота. Потом были больница, сохранение, капельницы, уколы. Родилась Сима. Но страх не уходил, хотя и ее я возила туда-сюда в детском кресле. Уже не гоняла, как раньше, да и водить разлюбила, хотя в молодости наслаждалась дорогой, чувством руля.

* * *

Один мой знакомый рассказывал, что считал свою маму русалкой. Он многое не помнил из своего детства, но отдельные ситуации память воспроизводила четко. Мама набирала ванну, включая только горячую воду, и заставляла его сидеть в этой бане. В ванной запотевало маленькое зеркало, привинченное над раковиной, вся комната заполнялась густым паром. Он сидел и дышал. Мама капала в воду что-то из флакончика, который держала при себе. Знакомый думал, что это была микстура, непременно волшебная и русалочья. После процедур он удивительным образом выздоравливал. Вот я думаю, что капала ему мама? Масло чайного дерева? Эвкалиптовое? Ароматерапия иногда действует лучше всех лекарств, если верить, что твоя мама — волшебница, да еще и русалка.

* * *

Еще одна встреча. Думала, что уже ничему не могу удивиться. В первом ряду сидел дедушка со слуховым аппаратом. Очень активно задавал вопросы. И так же активно поправлял слуховой аппарат, чтобы лучше слышать. Аппарат как-то сконнектился с моим микрофоном, и стоило дедушке поднести руку к уху, как микрофон начинал издавать противный писк на ультразвуке. Причем громкий. Заодно и фонить. Все в зале подпрыгивали от неожиданности. Я, честно признаться, тоже. Встреча прошла хорошо. Дедушка задал очередной вопрос, и мне не пришлось на него отвечать — сидящие в зале читательницы дедушкиного возраста сами принялись ему отвечать. Громко и все разом. Будто в тот момент его на том же ультразвуке пилила не одна жена, а двадцать. Я ему не завидовала.

* * *

Снова Питер. Я уже не начинающий автор, а достаточно известный.

Приехала на престижный фестиваль. Ведущая — девушка, очень милая, немного пугливая. Идет прямая трансляция. Две камеры. Девушка тушует и замолкает. Проходит минута, вторая. Девушка так и не находит в себе сил собраться с мыслями и начать встречу. Начинаю сама. Приветствую зрителей, пытаюсь шутить, рассказываю о вышедшей новинке. Предлагаю задавать вопросы из зала. Через пять минут девушка-ведущая начинает горько рыдать. С грохотом бросает микрофон на стеклян-

ный столик и выбегает из зала. Сорок пять минут я сама себе задаю вопросы и сама же на них отвечаю. Выхожу. На меня набрасывается женщина из числа организаторов.

— Почему вы так поступили? — кричит она.

— Как?

— Вы не дали Свете возможность собраться! Зачем вы так с ней? Она прочитала вашу книгу! Целиком! Очень хотела вести встречу! А вы так с ней поступили! — кричит организатор.

— Она молчала. Что я должна была делать?

— Вы должны были проявить понимание! — обиделась организатор.

После встречи я отправилась в ближайшее кафе, где собиралась встретиться с подругой, переехавшей из Москвы. Подруга опаздывала уже на сорок минут. Я заказала десерт.

— Он у вас свежий? — уточнила у официанта.

— Конечно! — ответил тот.

Десертом можно было забивать гвозди. Его точно испекли при Петре Первом.

— Вы же говорили, что свежий, — сказала я официанту. Тот взял мою десертную ложку, отковырнул десерт с тарелки, прожевал и возмущенно выдал:

— Нормальный. Не протух же. Чего вы придираетесь?

Подруга опаздывала уже на час. Я не стала ее ждать. Она обиделась. Наверное, я должна была проявить понимание. Как и в отношении девушки-ведущей.

И вот совсем недавно мы с мужем и дочкой отправились в отпуск под Петербург. Решили провести пару дней в городе, а уже потом ехать на озеро. Все было идеально. Отель

выбрал муж — в доме, где жил Довлатов, только в другом подъезде. В коридоре бывшей коммуналки, превращенной в отель на несколько номеров, стояла печатная машинка — «ундервуд». В углу — старые чемоданы, составленные в красивую лесенку явно дизайнерской рукой. На столике — журналы «Огонек» шестидесятых годов. Все было идеально — и отель, и интерьеры, и подоконник с подушками, на который можно залечь и читать книгу. Кровать на антресолях, куда немедленно забралась дочь. На столике лежала книга Довлатова «Соло на ундервуде». Я ее читала много раз, но с удовольствием раскрыла посередине.

Та поездка многое изменила. Я начала подмечать смешное, забавное, смотреть по сторонам. Мне вдруг стало легко. На встречу с читателями пришло аж двенадцать человек — я специально посчитала, но это было неважно. Моя дочь грохнулась в обморок на выставке Врубеля в Русском музее. Смотрительницы провели нас в кинозал, где открывалось окно. Сказали, что летом еще хуже — дети часто падают в обмороки, плохая вентиляция. Мне стало нехорошо в доме Ахматовой — подскочило давление. Мы сорвали две экскурсии. Но в ту поездку я поняла, что Питер наконец откликнулся и принял меня. Я смогла за ним записывать. И за собой тоже. Иногда ведь совершенно не обязательно иметь замысел — можно просто делиться заметками.

* * *

Именно Петербургу я благодарна за идею этой книги. Мы выезжали из отеля, и муж — я его впервые за двадцать пять лет совместной жизни таким видела — страстно

хотел стырить, свистнуть, то есть, попросту говоря, украсть, выложенный в общем коридоре номер журнала «Огонек» 1965 года издания. На обложке была изображена конькобежка — прекрасная репродукция. Я побежала на ресепшен спросить, как можно законно приобрести номер, готова была отдать любые деньги. Муж стоял и листал старый журнал, нюхал страницы, как это он делает во всех букинистических магазинах. Но администратора в этот момент не было, на звонки он не отвечал. Оставалось положить на стойку ключи и уехать. На день рождения мужа мы с сыном купили на аукционе полную подшивку «Огонька» за 1965-й. В этом году муж родился. Сидели на лавочке и листали. Да, конькобежка нашлась. Тот самый номер. Муж сказал, что это — лучший подарок за многие годы.

* * *

Приятельница, переехавшая по работе в Питер, рассказывает: «Хозяйина съемной квартиры зовут Цезарь, фамилия коллеги — Ротшильд. Уже начала привыкать...» Она же пыталась вызвать на 8:30 условного «мужа на час», чтобы поменять люстру и повесить карниз. Да, утра. Три компании подряд отказались. Приятельница задала вопрос местным — с чего вдруг-то? «Для нас это практически оскорбление. Зимой в такую рань никто работать не может», — ответили ей.

* * *

Ее же подчиненная, уходящая из офиса ровно в шесть ноль-ноль вечера, обиделась на просьбу задержаться и доделать работу. Расплакалась, сказала, что начальни-